

О ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ ВАГРАМА РАБУНИ

А. Г. МАДОЯН

Для Киликийского армянского государства годы правления царя Левона III (1270—1289) явились временем значительного усиления и развития: оживились связи с соседними странами, укрепилась государственная власть, развивались ремесла, торговля. Левон III всячески попечительствовал образованию, культуре, им были основаны школа и духовная семинария, он покровительствовал людям науки, искусства, книжности. Ваграм Рабуни был одним из тех, кто пользовался покровительством «славного делами, благопопечительного царя». Деятельность Рабуни в свою очередь немало способствовала благу армянского государства. Видный церковный, политический и культурный деятель XIII в., он замечательно проявил себя и в области философии, и в литературе, причем стоит отметить, что литературные произведения Рабуни созданы преимущественно в годы правления Левона III.

К сожалению, нам мало что известно о жизни Рабуни. В одном из сочинений он оставил о себе такую запись: «...вардапета Ваграма из города Сис в Киликии»¹. Известно, однако, что он именовался не только Сисским и Киликийским, но также Севлерийским и Эдесским². Известно имя его отца — Тигран, а также, что еще ребенком попал Рабуни в царский дом. Предполагается, что Ваграм Рабуни родился «не позднее середины 30-х годов XIII века»³, вероятно, в 1235 г. В «Речи» на коронацию Левона III, произнесенной 6 января 1271 г., Ваграм говорит, в частности, что своим образованием он в немалой степени обязан царице Забел, матери Левона: «Благословенная царица Забел, коей милостью и щедротами преуспели в учении и я в моей малости, и многие превыше меня»⁴.

Известно, что отец Левона III, царь Хетум, в 1263 г. взял с собой в Антиохию некоего Рабуни. Г. Григорян отождествляет его с Ваграмом Рабуни на том основании, что никаких сведений о каком-нибудь другом Рабуни, жившем в те годы, до нас не дошло. При некорректности этой аргументации само предположение можно считать приемлемым, особенно если помнить о близости Рабуни к царскому двору⁵. Если считать верным предположение Г. Григоряна, значит уже в прав-

¹ «Стихотворная история Рубенидов» Ваграма Рабуни // «Хроника» Смбата Спарапета. Париж, 1859, с. 185. Далее ссылки в тексте с указанием страниц.

² См.: Г. Григорян. Философия Ваграма Рабуни. Ереван, 1969, с. 13. На арм. яз.; К. Наткянян. Указатель трудов армянских историков // Опыт. Тифлис, 1880, № 1. Приложение, с. 29. На арм. яз.

³ Г. Григорян. Философия Ваграма Рабуни. С. 15.

⁴ К великому явлению Христа, исследование речений Исаяи и, после того, собрание речений из Библии о сущности царств земных, в кратком изложении и с философским определением вардапета Ваграма, в день коронации Левона, царя Великой Армении // Арарат. (Вагаршапат). 1869, № 5, с. 101. На арм. яз. О добродетелях царицы Забел имеются строки и в «Стихотворной истории» (с. 219).

⁵ Нелишне отметить, что, согласно Г. Алишану, современником Ваграма Рабуни был Сосфенес Рабуни.

ление Хетума Рабуни занимал должность при дворе⁶. О том, что он занимал определенное положение и пользовался авторитетом еще при отце Левона III, свидетельствует и тот факт, что им написан ответ на вопрошение царя Хатума. Наконец, очень важно уяснить, в какое время он занял при дворе должность канцлера — действительно ли в 1276—1277 гг. или раньше⁷.

Какой бы интерес ни представляло, однако, уточнение фактов жизни и деятельности Рабуни, нас здесь занимает прежде всего литературное его наследие. К лучшим образцам армянской литературы XIII в. принадлежит уже упоминавшаяся «Речь» на коронацию Левона III⁸. Еще одну речь, принадлежащую перу Ваграма («На Святую Троицу»), автор XVII в. Лазар Джахкеци приписывает Ваграму-Григору Вкаясеру. По этому поводу М. Магак-Геофилян справедливо замечает: «Под именем некоего вардапета Ваграма имеется Речь на Святую Троицу, в коей писано о Духе Святом по грекам, и принадлежит она достоверно историку Ваграму, ибо в заключение в ней сообщается, что писалась по повелению царя Левона»⁹.

М. Магак-Геофилян отмечает, что в годы правления Левона III Ваграмом были написаны и другие речи по случаю тех или иных праздников. Наконец, по заказу царя Левона Рабуни воспел славу Рубенидов, поведав о героических их делах в «Стихотворной Истории».

Двум литературным созданиям Рабуни — «Речи на коронацию» и «Стихотворной Истории» — и посвящена настоящая статья.

Как уже говорилось, «Речь на коронацию» относится к ценнейшим памятникам нашей литературы. В ней автор, восславив великий праздник (Пасху), кратко излагает программу своего дальнейшего слова: «Первое: о том, что есть царство, и затем: кто был первым царем, и третье: с кого и по какой причине возникло царство среди людей, и четвертое: каковы есть чин и право царское» (№ 1, с. 9).

Соответственно этой программе «Речь» разделяется на части, и разделение это отчетливо проводится автором, пишущим, например: «После сказанного, согласно третьему нашему обещанию, посмотрим, с кого пошло и почему возникло среди людей царство» (№ 2, с. 37), или: «Теперь остается сказать о чине и о жизнеповедении, о деле и о праве царя» (№ 2, с. 52) и др.

Более того, в начале каждой части Рабуни со всей четкостью определяет ее предмет. В этом, несомненно отразился многолетний преподавательский опыт. Например, имея намерение раскрыть, определить понятие «государь», или «царь», он начинает с формулировки: «Определение государя» — и лишь затем обстоятельно высказывается по вопросу. Государь, управляя своей страной, должен установить справедливые законы, взимать справедливую дань, обеспечить безопасность своих подданных, наказывать зло и беззаконие. Наметив нормы гуманности и правопорядка, Рабуни дает обобщение: «Царствовать означает править многими, кои различаются по лицам и по занятиям, а также по нравам и, возможно, по вере, и (означает) править с мудростью, благочестием, ища мира и благоустройства» (№ 2, с. 9).

Заслуживают внимания представления Рабуни о принципах государственно-политической жизни и отношений¹⁰. Он разоблачает интри-

⁶ Ср.: Г. Григорян. Философия Ваграма Рабуни. С. 15.

⁷ Там же. с. 7.

⁸ Арарат. 1869. № 1. с. 8—9; № 2. с. 36—39; № 3. с. 49—52; № 4; с. 73—78; № 5. с. 101. Далее ссылки в тексте с указанием номера и страницы журнала.

⁹ Жизнеописания славных мужей, представленные кратко в извлечениях из своего пространного словаря о. Маттеосом Магик-Геофиляном в двух томах. Венеция, 1839, т. 2, с. 542. На древнеарм. яз.

¹⁰ Подробно о философских, социально-политических взглядах Рабуни, отражившихся в «Речи на коронацию» и других произведениях, см.: Г. Габриэлян. Ис-

ги князей, их центробежные настроения, призывает их пещься о безопасности страны, быть верными подданными престола. Что же касается царя, то он не должен поддаваться гордыне, без причины, противозаконно преследовать людей, как говорил о том Нерсес Шнорали, не должен проявлять несправедливость. «Не должно ему превозноситься в славе своей, не полагать себя слугою царства Господня» (№ 1, с. 9), — пишет Рабуни. В этой связи, сделав небольшой экскурс в историю и вспомнив некоторых царей Ближнего Востока, Рабуни добавляет: «Были во многих сторонах и местах правители, кои не по достоинству именовались царями (государями), таких было множество, о коих лучше нам умолчать, как о мужах, полагавшихся на силу руки своей» (№ 2, с. 38). Здесь мысль автора получает дополнительный оттенок: цари-язычники высокомерно полагались на силу руки своей, не понимая, что все назначение их в исполнении воли Господней. Царю Левону II (1187—1219) в «Стихотворной Истории» безоговорочно воздается хвала прежде всего за благочестие, сознание над собою силы и воли Божьей:

...Пред чем Левон не устранился,
Великого множества не убоился,
Но упование на Господа возложил,
С малым числом мужей выступил
Против множества и одолел.

(с. 213)

Вообще Рабуни уделяет большое внимание вопросу о том, какими должны быть «чин и жизнеповедение, дело и право» государя. И, как следовало ожидать, находит, что лучше всего этот вопрос освещен в Библии: «Хорошо должно знать, что добро их распространяется на многих, а зло — на еще более многих, а посему надлежит и подобает, чтобы государь украшался благочестием, рассудительностью, кротостью, мудростью, любовью к истине и справедливости» (№ 3, с. 52). Самым главным качеством царя, ценнейшим его достоинством является благочестие: «Наиважнейшее для государства — благочестие, кое украшает его лучше, нежели драгоценные каменья, и более, нежели владычество над многими странами» (№ 4, с. 73).

В своей «Речи» Рабуни говорит и о том, как важно, чтобы правитель был справедливым. Ведь именно этим, в первую очередь, измеряется престиж главы государства, и авторитету царя наносят урон поспешные, вынесенные под влиянием минуты несправедливые, невзвешенные решения. Рабуни предостерегает от скоропалительного суда и необоснованного приговора, которые выносятся «со скуки» или из желания выглядеть «крутым и решительным»: «Ибо не подобает судить по мнению и выносить неосновательный приговор, а доходить до истины тщательным разбирательством и трудами». При этом «не должно царю судить по слуху, доверяясь наветам, а вникать с серьезностью, как в пример тому поставил себя судьей Господь, рассудив содомитов, ибо если царь благосклонен к наветчикам и предателям, то это распространится в людях и это они станут делать всегда... Кто судит в меру своей способности, да не позволит себе никогда исказить или продать истину». Верша правосудие, не следует всегда проявлять суровость к своим подданным, но в каких-то случаях «с законом сочетать милость», делать это «к месту и по обстоятельствам». Каждому должно «любить истину и держаться во всем правды». Это, конечно, относится прежде всего к царю: «непозволительно лжи исходить из уст его» (№ 4, с. 76, 77, 78).

Любопытно, как отвечает Рабуни вопрос о том, кого считать пер-

тория армянской философской мысли. Ереван, 1958, т. 2, с. 32—54. На арм. яз.; Г. Григорян. Философия Ваграма Рабуни. С. 33—40 и др.

вым царем. Поскольку «Речь» его была приурочена к религиозному празднику и произносилась в Божьем храме, естественно, что ответ его носит «дипломатический» характер. И в порядке обязательной дани он отдает тут первенство «блаженной и благословенной св. Троице» (№ 2, с. 37). Первым реальным царем, по широко бытовавшему в средневековой Армении убеждению, был Бел, или Немврод, правивший в Вавилоне. Победив этого властителя, праотец армян Гайк утвердил свое господство, став первым армянским царем, «владыкой на севере и на востоке» (там же). Эта версия армянских средневековых авторов встречается и в грузинских источниках. Грузинский историк XI в. Леонтий Мровели также утверждает (следуя Агатангелосу), что Немврод «был первым в мире царем»¹¹. Победив Немврода, пишет грузинский автор, «Гайк провозгласил себя царем своих соплеменников и соседних народов»¹².

Неизменно исходя из интересов государства, Рабуни поучает также князей (ишханов), объясняя им, что как «для совершенства живых существ недостаточно здоровой головы, но (необходима) и сообразность всех членов, так и с устройством страны: при достойнейшем и прекрасном царе должны быть и добродетельные князья» (№ 5, с. 98). «Должно им, — пишет Рабуни, — проявлять благонравие, украшаться кротостью и всяческими добродетелями. Любовью должны быть связаны они с царем и друг с другом, и чтобы один не завидовал славе и преуспеянию другого, чтобы не жгла их зависть, чтобы не наносили друг другу удары, чтобы не погибал один от руки другого. А также подобает князю умудрять ум свой, не предаваться попойкам и непотребным песням, пустым потехам, играм и охоте» (№ 5, с. 98—99).

Особый интерес представляет заключительная часть «Речи», где говорится, что есть три вещи, на которых зиждется прочность престола: «И первое то, о чем мы уже написали: благочестие в вере и благоразумие в делах. И второе: наследственное право на собственное и от предков завещанное царство». Доказав наличие этих моментов в случае царя Левона III, Рабуни далее пишет: «А третье: что он сам столь исполнен мудростью и разумением и велик сердцем, что, подобно солнцу, распространяет свет свой на всех. Относительно сего надлежит мне умолчать, дабы не показалось, что лестью угождаю царю» (№ 5, с. 100),—после чего следуют пожелания новому царю, изложенные столь поэтически приподнято и размеренно, что эта часть вполне может восприниматься как дробящийся на строки свободный стих.

Чтобы полнее представить богатое содержание «Речи», отметим, например, что среди многих вопросов Рабуни затрагивает и вопрос о суевериях. говорит о бессмысленности, нелепости гаданий по камню, муке, ячменю, по поведению птиц, животных. Рабуни упоминает и о предсказаниях «звездочетов», не без иронии замечая, что людям, родившимся под разными звездами, «разная доля и разная судьба уготована», но почему-то множество людей, которым были определены разные судьбы, «умирают один как другой при землетрясении, в том же разрушенном доме» (№ 4, с. 75).

С точки зрения исторической науки интерес представляет та часть «Речи», где говорится о законном наследовании трона Левонем III (упоминавшийся пункт второй). Это как бы предварительный набросок к «Стихотворной Истории»: здесь кратко представлена родословная Рубенидов, которые восходят к царям династии Багратуни, а те, в свою очередь — к пророку Давиду¹³.

¹¹ См.: Л. Меликсет-Бек. Грузинские источники об Армении и армянах. Ереван, 1934, т. 1, с. 145. На арм. яз.

¹² Там же. С. 147.

¹³ Ср.: «Мовсес Хоренаци. История Армении. Кн. 1. Гл. 22. Заслуживает внимания рисованный Торосом Рослином в 50-е гг. XIII в. портрет Левона, на кото-

Как в «Стихотворной Истории», так и в «Речи на коронацию» автор начинает историю Рубенидов с царя Гагика II из рода Багратуни: «Потому что он из Рубенидов, кои в кровном родстве с великим царем Гагиком Багратуни-Мамиконяном» (№ 5, с. 100). Судя по всему, это была официальная точка зрения, поскольку с ней мы встречаемся и в стихотворении царя Хетума II. Вот как он представляет переселение Рубенидов в Киликию:

От того потопа спасся Рубен,
Который произошел из рода Гагика,
Подобно Ноеву ковчегу,
Привел (он) наше племя в эту страну¹⁴.

«Стихотворная История» — это важный документ, содержащий достоверные сведения. Специалисты высоко оценили эпическую поэму. Считая сведения, содержащиеся в сочинении Рабуни, заслуживающими доверия, М. Магак-Теофилян писал: «По распоряжению царя принял он это, и написал по проверенным сведениям, и многому из того был сам очевидцем»¹⁵. В том же роде высказывается и Магакия Орманиян: «Левон III деятельностью своей был не менее достоуважен, чем первый царь — Левон II Степанян, и в какой бы ни состоял к нему близости прославляющий его Ваграм Рабуни, рассказанные события достоверны»¹⁶. Исследователь показывает, что сообщения Рабуни в целом совпадают со свидетельствами Смбата Спарапета, Киракоса Гандзакеци, Вардана Аревелци, Самвела Анеци и других армянских историков. Рабуни стремится к достоверности, он часто сопоставляет сведения различных источников, где-то даже делает критические замечания. Вот что он пишет, например, в связи с Торосом II:

О нем же повествовали многие,
Мнения коих различаются,
Поскольку разные люди повествовали...

«Стихотворная История» ценна еще и тем, что в ней отражено восприятие и оценка тех или иных событий и деятелей армянской истории если не всеми Рубенидами, то по крайней мере Левоном III.

Как возник замысел этого произведения? С какой установкой оно создавалось? Во вступительной части «Стихотворной Истории» Рабуни пишет о том, что Нерсес Шнорали в наставлении «народу армянскому» изложил стихами историю предков с древнейших времен до своих дней. Прочитав его эпическую поэму «Випасанутюн», царь Левон III поручил Ваграму продолжить повествование с того места, до какого довел его «пресвятой отец»¹⁷. Поручил рассказать о великих делах и речах, опираясь на труды ученых мужей и описывая то, чему сам был свидетелем (с. 186). Рабуни сознает, за какое ответственное и трудное дело он взялся, с христианским смирением признает, что недостойн и неспособен исполнить его, но затем приходит к мысли, что от его попытки не пострадает творение Шнорали, не утратит своего величия и блеска. Он проводит такое сравнение:

...и так я рассудил,
Что ничтожное и никчемное мое писание,

ром молодой царевич держит в руке ветвь, символизирующую, по всей вероятности, престолонаследование.

¹⁴ Стихотворение благочестивого царя армянского Хетума II // Арарат. 1869. № 2, с. 39.

¹⁵ М. Магак-Теофилян. Жизнеописание славных мужей... т. 2, с. 542.

¹⁶ М. Орманиян. Азгалатум. Константинополь. 1914, ч. 2., § 56. На арм. яз.

¹⁷ Нерсес Шнорали упоминается в «Стихотворной Истории» еще один раз, в связи с католикосом Ованесом: «Этот шестым считается // Начиная со святого Нерсеса» (с. 218).

Приоседавши к преждо написанному,
Собою не повредит ему,
Прекраснейшее от сего не потускнеет,
Как видим мы то в искусстве художников,
Которые выбирают из красок черную
И с золотом ее сочетают,
Не потому, что она наилучшая.
А чтобы золото сильнее блестело,
Благодаря черному выступало,
И от этого золото не тускнеет,
А блистает еще ярче...

(с. 187)

Очевидно, что под «золотом» подразумевается высоко ценимая Ваграмом поэма Шнорали. И чтобы быть достойным взятой на себя смелости продолжить труд великого поэта, Рабуни обещает пользоваться «достовернейшими» источниками; сообщать надежные сведения, повествовать о славных делах отцов.

Произведение Рабуни развивается по трем основным линиям, охватывая три основные сферы в жизни страны и народа: государственная власть, духовная власть и культура.

Слово Рабуни-поэта звучит сильно, здравомысленно, полногласно. Его поэма — одна из лучших страниц средневековой армянской поэзии. Многим ли поэтам выпало жить и творить в расцветную пору, в благополучный период армянской истории? Судьба Рабуни едва ли не уникальна, если учесть еще и то, что жил и работал он при дворе, постоянно общался с царем и писал по его поручению, излагал славную историю прошлого и своего времени, воспевал достохвальные деяния армянских царей.

Следуя поэме Шнорали, Рабуни пишет свою «Историю» восьми-сложниками с рифмой еал. Роль рифмы в обоих произведениях существенна, ею обусловлена важная особенность: будучи глагольной, рифма определяла преобладание глагола в стихотворно-повествовательной речи. Отсюда динамичность и действия, и слова. С другой стороны, это в какой-то степени обуславливает лаконичность изложения. Но если Шнорали на нескольких страницах нужно было уместить многовековую историю, то поэма Рабуни, при таком же почти объеме, рассказывает лишь о династии Рубенидов, т. е. ограничена гораздо более узкими временными рамками. Действие развивается здесь не так стремительно, и автор имеет возможность шире использовать художественные средства, приемы, достигать большей полноты и завершенности в картинах и образах. В силу этого отдельные части его поэмы обретают определенную самостоятельность. Такими относительно завершенными и самостоятельными выступают части поэмы, посвященные Гагику Багратуни (1042—1045), Торосу I (1100—1129) и Левону I (1129—1137). Как отдельная маленькая поэма может быть рассмотрен рассказ о Торосе II (1145—1169), о его сновидении в тюрьме, исполненном живейших, характерно-будничных черт.

В отличие от Шнорали, Рабуни насыщает повествование живыми подробностями, благодаря чему читатель как бы становится свидетелем отдельных сцен, таких, например, как смерть Левона I (1143 г.), освобождение Тороса из плена, возвращение его на родину, подвиги и т. д.

Рабуни охотно воспроизводит такие подробности, которые наглядно свидетельствуют о воинской силе и успехах армян, о «райской», как он пишет, жизни киликийцев. Выше благо он видит в усилении армянского государства, в «укреплении границ Киликии». Торос I так много сделал для благоденствия страны, что его имя было окружено «всенародной любовью» и саму Киликию люди стали называть «страной Тороса» (с. 195). Такие герои безукоризненны в глазах автора. К

ним относит и Левона II, который служил «созиданию страны», обеспечил ей мир и спокойствие. Он был искусным полководцем и неутомимым строителем. Одержав победу над всеми враждебными племенами, он построил множество крепостей и замков, постоянно заботился о благоустройстве страны. Его энергичная деятельность не могла остаться и не осталась незамеченной европейскими правителями. И вскоре

Проведал о том царь франков,
И прослышал о том император греков.
И оба послали ему короны...

(с. 214—215)

Ваграм Рабуни рассказывает преимущественно о событиях своего времени, хорошо ему знакомых. И тут особенно ценны те страницы его сочинения, которые посвящены Левону III. Если в «Речи на коронацию» он воздерживался от похвал по адресу Левона, ибо произносила она в присутствии князей и самого вступающего на престол царя («надлежит мне умолчать, дабы не показалось, что лестью угождаю царю»), то «Стихотворная История» писалась для потомков, для времен будущих; такого рода соображения здесь отпадали, и можно было воздать должное достойному государю. Значительное внимание в поэме уделено именно Левону III, и не только потому, что это произведение писалось по его желанию и поручению, но и потому, что легче рассказывать о том, что знаешь по личному опыту, что видел собственными глазами. И поскольку Рабуни из всех героев своего повествования лучше знал царя Левона III, тесно общался с ним, то, естественно, образ этого царя оказался одним из самых живых и значительных в «Стихотворной Истории».

Интересно, что и о Левоне III Рабуни рассказывает в прошедшем времени. Это никак не означает, что посвященные ему страницы писались после смерти Левона. Здесь есть по крайней мере три объяснения. Во-первых, эпическое повествование вообще своим временем имеет прошедшее, переход к настоящему может как бы «снизить» повествование, обращенное к тому же, как уже говорилось, к будущим временам и поколениям. Во-вторых, поведи Ваграм похвальный рассказ о здравствующем царе в настоящем времени, похвалы его могли быть расценены как лесть, чего он, конечно же, избегал. Наконец, все повествование развивалось в прошедшем времени и нарушить его строй было бы неудобно, тем более, что возникало и некое техническое затруднение, связанное с постоянством рифмы.

С большим воодушевлением рассказывает Рабуни о военных успехах царя. Когда Левон III одерживает победу над турками Гамирка (Каппадокии), соседние народы «поражаются и дивятся» и спешат заключить с ним мирный союз. Великодушный и незлопамятный Левон III «от всего сердца» прощает причиненное ими до этого зло, устанавливает с ними добрые отношения, что свидетельствует не только о благородстве, но и о силе армянского царя. Рабуни представляет его как героя, который не теряется перед лицом трудностей, испытаний и не возносится в гордыне от сознания значительности и успешности своих дел. Он не только сам тверд духом и непреклонен, но и умеет в трудную минуту поддержать, ободрить других. Царь благообразен и благопристоен, он трезво мыслит, ему свойственны «умеренность и рассудительность», он великодушен, гостеприимен и щедр, он благочестив, словом, всецело соответствует тому образу правителя, который в «Речи на коронацию» был преподнесен как идеальный. Не без труда уговорили совсем еще молодого Левона принять царство. После того как он взошел на престол, присущие ему добрые качества развились, углубились еще более, по-новому проявились свойственные ему добросозидание и добротечие. С еще большим рвением, чем его предшественники, множит, развивает и укрепляет он очаги духовной и культурной деятельности, при нем в почете учность, приобретающие образо-

вание пользуются привилегиями, войску он повысил жалование и т. д. Он был на редкость сердечен, гостеприимен. Вот штрих, свидетельствующий об этом:

Много раз так бывало,
Что по возвращении из похода
Конница вся и многие другие
Днями, месяцами оставались
Там (при дворе), о пропитании не заботясь,
Ибо при дворе кормились обильно...
(с. 229)

В поэме говорится и о семье Левона: о царице и трех сыновьях. О старшем сыне, Хетуме, который наследовал отцу, Рабуни пишет:

Постигал он смысл писем
И упражнялся в воинском деле...
(с. 136)

Чтобы успешно править страной, надо быть не только образованным, просвещенным, но и пройти физическую закалку, освоить воинское искусство. Таково было требование времени, и хотя оно противоречило христианской проповеди смирения, его выдвигал еще в предыдущем столетии Нерсес Шнорали, и с той же силой продолжает звучать оно в XIII в.

Однако автор «Стихотворной Истории» ведет речь не об одних лишь победах и достижениях. Добросовестный, верный правде историк не приукрашивает действительность, не обходит молчанием безрадостные ее стороны, бедственные, горестные события:

Вспомним теперь о невзгодах
И немного о сих поведеах...
(с. 231)

Так переходит Рабуни к повествованию о печальном. О том, как нахлынули кочевники, как «опоганили страну», сколько зла и разрушения сотворили. От их коварства пошла одна из великих бед — монголы захватили многие земли Армении и Византии:

Тогда и те, что прозываются турками,
Они наговаривали на нас
И войска татар против нас настраивали,
Золотом их ослепляя...
(с. 235)

Рассказом о правлении Левона III фактически заканчивается последовательное повествование. Затем Рабуни совершает как бы скачкообразный переход к заключительной части:

И чтобы дополнить это,
Добавлю немного и о другом,
О чем ранее упомянул...
(с. 237)

Подобно Шнорали, в поэме которого постоянство рифмы не соблюдено во вступлении, Рабуни тоже меняет рифму, но под конец. В этой части рифма у него непостоянная, а сама часть носит характер памятной записи. Здесь Рабуни говорит о том, что в дни Левона III в стране не всегда царили мир и благополучие, но он, автор, писал эпическую поэму, а таковой не пристали мрачные краски, и посему в самом произведении он опустил мрачные, горестные события, но совсем умолчать о них, предать забвению не мог. О них говорится отдельно, и при этом дается традиционное объяснение причины обрушившихся на народ несчастий. Вместе с тем поэт выходит и на какие-то новые разъяснения. Многие, пишет Рабуни, недоумевают над этим вопросом,

Говорят: разве истинен суд,
Который над нами вынесен,
Неужели одни мы греховны

Среди населяющих землю,
Или праведны были магометане,
В руки которых мы преданы? (с. 238)

Следует объяснение в библейской традиции:

Это не за греховность и зло,
И не возмездие от Господа,
А если кто-то без покаяния живет,

То сородичи его это испытывают на себе,
Ибо Господь наставляет того, кого любит
Признанного сына ввергает в муки.
(с. 238—239)

Значит, Бог наставляет тех, кого любит. Объяснение это близко к такого же рода объяснениям Персеса Шнорали. Ваграм учит, что одной веры мало, ей должны сопутствовать добрые дела, ибо, не подкрепленная добрыми делами, вера мертва. И если Господь наказывает невинных, то какая же кара ожидает виновных?

Взявшись продолжить поэму Шнорали, Ваграм старается следовать ему не только в главном, но и в частностях. Он использует свойственные Шнорали обороты речи, переходы, связки, во всем строе языка старается не отойти от своего великого предшественника. Если сравнить язык «Стихотворной Истории» с языком философских сочинений Ваграма, нетрудно заметить различие. Последние, будучи записью устных речей, изобилуют элементами народно-разговорного языка. Между тем язык «Стихотворной Истории» выдержан в высоком стиле поэмы Шнорали.

В тесной связи с поэмой великого Шнорали состояли стихотворения царя Хетума II и Смбата Спарапета. «Стихотворная История Рубенидов» занимает особое место в этом литературном ряду.

Если в поэме Шнорали отразилась надежда на возрождение армянской государственности, то Рабуни, увидевший осуществление этой надежды, воспел мощь и славу нового армянского государства. В таких исполненных воодушевления строках, какие посвящены Ваграмом Рабуни царю Левону III, Шнорали мог поведать лишь о былых временах и героях, например, о временах Тиграна Великого. Но и тут он умерен, сдержан в воодушевлении, ибо настоящее рождает в его душе иные настроения.

Ваграм Рабуни, который жил и творил в пору расцвета Киликийского армянского государства создал поэтическую летопись значительного периода его истории и тем исполнил свой гражданский долг. Этому выдающемуся философу оказались предназначены особая судьба и особая роль. Взявшись продолжить творение Шнорали, он проявил незаурядное поэтическое дарование, однако и в этом своем произведении остался прежде всего философом и оратором и, по существу, в ораторском же жанре — в искусно выстроенном панегирике — воплотил основное из входившего в его замысел и задачи.

Ա. Գ. ՄԱԴՈՅԱՆ— Վահրամ Բարունու գրական ժառանգության շուրջը.—
Հողվածը նվիրված է ԺԳ դարի նշանավոր իմաստասեր Վահրամ Բարունու
գրական ժառանգության հետաքրքրական էջերից մեկին՝ Կիլիկիայի Լևոն Գ
թագավորի հորդորանքով գրած շափածո պատմությանը, որ բազում ընդհան-
րություններ ունի նույն հեղինակի արտասանած «Օծման ճառի» հետ: Քերթ-
վածը հղացված է իրեն ներսես Շնորհալու «Վիպասանութեան» շարունակու-
թյուն և պատմում է Կիլիկյան հայոց թագավորության բարգավաճման մա-
սին, նշավակում կենտրոնախույս ուժերին: Մեկնակետ ունենալով պետու-
թյան շահերը, Բարունին առաջ է քաշում իդեալական թագավորի գաղափարը:
Եթե ներսես Շնորհալին հայ պետականության վերականգնման հույսն է
արտացոլել իր հիշյալ քերթվածում և այլ երկերում, ապա Բարունուն վիճակ-
ված էր հայ նորոգ պետության գործությունն ու փառքը երգել և դառնալ հայոց
պատմության կարևոր մի դարաշրջանի տարեգիրը: